

Экономика народонаселения и демография

УДК 331.1

DOI 10.19110/1994-5655-2026-5-43-53

Человеческий капитал и рынок труда как источники экономического роста (на примере северных регионов)

Тихомирова В. В.

ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

tikhomirova@iespn.komisc.ru

Аннотация

В статье автор исследует взаимосвязь между человеческим капиталом, рынком труда и экономическим ростом в северных регионах России в период с 2014 по 2023 г. Основное внимание уделено выявлению специфических особенностей формирования и использования трудовых ресурсов на этих территориях. Методологической базой послужил анализ данных Росстата по 12 ключевым северным субъектам РФ, включающий сравнительное изучение демографических трендов, динамики численности населения, миграционных перемещений, показателей занятости и безработицы. Использованы методы математической статистики и структурно-динамического анализа, а также элементы пространственного анализа для выявления территориальных тенденций. Результаты исследования демонстрируют значительную дифференциацию траекторий развития северных регионов. В частности, нефтегазовые территории Западной Сибири демонстрируют более устойчивую динамику рынка труда, в то время как регионы Европейского Севера и некоторые дальневосточные территории испытывают демографическое давление и отток квалифицированных специалистов, что отрицательно влияет на региональный экономический рост. Практическая ценность работы заключается в возможности применения полученных результатов при разработке региональных программ, стратегий пространственного развития и совершенствовании механизмов поддержки северных территорий.

Ключевые слова:

человеческий капитал, экономический рост, рынок труда, регионы Севера, демография, миграция, занятость, безработица, Арктическая зона

Population Economics and Demography

Human capital and labor market as sources of economic growth (on the example of northern regions)

Tikhomirova V. V.

Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North FRC
Komi SC UB RAS,

Syktывkar

tikhomirova@iespn.komisc.ru

Abstract

This article examines the relationship between human capital, the labor market, and economic growth in Russia's northern regions from 2014 to 2023. It focuses on identifying specific characteristics of labor force formation and utilisation in these territories. The methodological basis is an analysis of Rosstat data for twelve key northern regions of the Russian Federation, including a comparative study of demographic trends, population dynamics, migration movements, employment and unemployment rates. Mathematical statistics and structural-dynamic analysis have been used, along with elements of spatial analysis to identify territorial trends. The study results demonstrate significant differentiation in the development trajectories of the northern regions. In particular, the oil and gas regions of Western Siberia demonstrate more stable labor market dynamics, while regions of the European North and some Far Eastern territories are experiencing demographic pressure and an outflow of skilled specialists, which negatively impacts regional economic growth. The practical value of the work lies in the possibility of applying the obtained results for working out regional programs, spatial development strategies and improving northern territories' support mechanisms.

Keywords:

human capital, economic growth, labor market, northern regions, demography, migration, employment, unemployment, Arctic zone

Введение

Регионы российского Севера, располагая значительными природными ресурсами, демонстрируют противоречивую картину экономического развития. При наличии богатого сырьевого потенциала эти территории сталкиваются с неустойчивой региональной динамикой экономического роста и влиянием секторов и отраслей экономики на состояние ВРП [1, 2]. Факторы региональных различий в уровне доходов разнообразны – наличие природных ресурсов, реализация инновационного потенциала, эффективность государственной региональной политики [3]. Человеческий капитал в данных условиях приобретает особое значение как ключевой фактор преодоления структурных ограничений развития.

Актуальность исследования обусловлена спецификой северных территорий, где экстремальные климатические условия, транспортная изолированность, ограничения на рынке труда, неоднородность отраслевого и пространственного развития формируют специфические требования к качеству трудовых ресурсов. Высокие издержки на привлечение и удержание квалифицированных кадров, с одной стороны, ограничивают возможности экономического роста. С другой – именно качественные характеристики рабочей силы становятся решающим фактором конкурентоспособности региональных экономик.

Современное состояние рынка труда в северных регионах характеризуется противоречивыми тенденциями. Демографическая убыль и миграционный отток создают дефицит трудовых ресурсов в традиционных отраслях. Одновременно технологическая модернизация производств формирует спрос на принципиально новые компетенции работников. Взаимосвязь между развитием человеческого капитала и экономическим ростом в северных условиях, как показывает практика последних лет, имеет нелинейный характер. Сдерживание роста доходов населения приводит к оттоку наиболее продуктивных работников и замедлению экономической динамики. Инвестиции в трудовой потенциал, напротив, обеспечивают мультипликативный эффект развития территорий.

Цель исследования – оценка влияния человеческого капитала на экономический рост регионов Севера через анализ ситуации на рынке труда, а также в сфере демографии и занятости населения.

Для достижения цели определены следующие задачи:

- проанализировать демографическую ситуацию и миграционные потоки в регионах Севера;
- провести анализ уровней занятости и безработицы в северных регионах;
- выявить особенности спроса на рабочую силу в условиях Севера;
- по результатам исследования сделать выводы и дать предложения по улучшению качества трудовых ресурсов и повышению уровня экономического роста.

Объектом исследования выступает рынок труда и человеческий капитал в регионах Севера. Предметом исследования является взаимосвязь человеческого капитала и экономического роста через состояние рынка труда.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе взаимодействия человеческого капитала и экономического роста в северных регионах с учетом современных кризисных факторов и государственной политики развития трудового потенциала.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов для совершенствования региональной политики развития человеческого капитала в условиях северных территорий.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов по 12 северным регионам России, а также Интернет ресурсы. Выбор временного периода 2014–2023 гг. обусловлен необходимостью проследить влияние кризисных явлений на развитие человеческого капитала и экономическую динамику. Анализировались показатели демографических процессов, миграционных перемещений, уровня занятости и безработицы. Использовались методы корреляционно-регрессионного и структурно-динамического анализа, а также элементы пространственного анализа для выявления территориальных закономерностей. Дополнительные материалы включали аналитические издания научных центров и ученых исследователей, специализирующихся на изучении северных территорий и занимающихся комплексным региональным наблюдением.

Результаты и их обсуждение

Специалисты предлагают начинать исследование экономического роста с динамики трудовых ресурсов, поскольку они тесно связаны с демографическими процессами [4]. Демографическая ситуация в регионах российского Севера представляет собой одну из наиболее острых проблем современного социально-экономического развития этих территорий. За период 2014–2023 гг. данные процессы на Севере характеризовались усилением дифференциации между отдельными регионами при сохранении общей тенденции к сокращению численности населения. Анализ статистических данных показывает, что обезлюдение северных территорий продолжается, хотя темпы убыли в некоторых регионах несколько замедлились. Отсюда неоднородность арктических территорий требует дифференцированного подхода к анализу их развития [5, с. 19].

В научных исследованиях демографической динамики ряд ученых отмечает, что демографическая ситуация на российском Севере характеризуется системным кризисом воспроизводства населения, который проявляется в естественной убыли, интенсивном миграционном оттоке и деформации возрастно-половой структуры [6, с. 75]. Эти процессы создают серьезные вызовы для формирования и развития человеческого капитала северных территорий, поскольку сокращение численности населения трудоспособного возраста непосредственно влияет на экономический потенциал регионов.

Ученые в своих работах выделяют и рассматривают демографические факторы, влияющие на формирование человеческого капитала, такие как динамика численности населения, миграционный прирост (убыль), уровень занятости в экономике, уровень безработицы и др. [7, 8]. Эти показатели мы и исследуем в своей работе на примере северных регионов.

Общая численность населения России в 2014 г. составила 146 744,0 тыс. чел., сократившись в 2023 г. до 146 150,8 тыс. чел., что представляет убыль на 0,4 % (табл. 1).

При этом численность населения Севера за обозначенный период сократилась на 4,3 %. Такая отрицательная тенденция присуща практически всем северным регионам. Здесь наблюдаются существенные территориальные различия в демографической динамике. Наиболее благоприятная ситуация складывается в нефтегазодобывающих автономных округах Азиатского Севера, где происходит стабилизация численности населения или даже существенный рост. Ханты-Мансийский автономный округ (АО), несмотря на временные колебания, показывает наиболее позитивную тенденцию (+8,9 %), что обусловлено относительно высоким уровнем жизни населения и развитой социальной инфраструктурой. Республика Саха (Якутия) сохраняет рост населения (+4,5 %), это объясняется не только промышленным развитием, но и более высокими показателями естественного прироста среди коренного населения. Относительно небольшую убыль демонстрирует Ямало-Ненецкий автономный округ (-1,6 % за рассматриваемый период), связанную с продолжающимся промышленным освоением новых месторождений и соответствующим притоком трудовых ресурсов. Стабильные

показатели в Ненецком автономном округе, где произошло уменьшение населения лишь на 0,2 %, т. е. ниже среднего российского уровня.

В то же время часть регионов продолжает терять население ускоренными темпами. Наиболее критическая ситуация наблюдается в Республике Коми (-14,0 %), Республике Карелии (-13,8 %) и Архангельской области (-13,4 %), обусловленная кризисом лесопромышленного комплекса и недостаточным развитием альтернативных отраслей экономики. Мурманская область потеряла 11,8 % жителей, что говорит о сокращении объемов производства в традиционных отраслях специализации региона – рыбной промышленности, цветной металлургии, а также с закрытием ряда военных объектов.

Сократилась численность населения в Магаданской области (-9,5 %) и Камчатском крае (-6,7 %). Эта убыль обусловлена комплексом факторов: структурными проблемами экономики регионов, связанными с кризисом традиционных отраслей промышленности, недостаточным развитием современных производств, закрытием ряда предприятий, ограниченными возможностями трудоустройства для молодежи.

Системный анализ демографических изменений показывает, что сокращение численности населения происходит преимущественно за счет двух основных факторов: естественной убыли населения и интенсивного миграционного оттока, особенно среди населения трудоспособного возраста. Коэффициент естественного прироста населения остается отрицательным почти во всех рассматриваемых регионах.

В своих научных работах исследователи подчеркивают, что демографическая динамика северных терри-

Таблица 1

Динамика численности населения регионов Севера России (2014–2023), тыс. чел.

Table 1

Population dynamics in the regions of northern Russia (2014–2023), thousand people

Субъект РФ	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение за период, %
Россия	146744,0	147580,0	147840,7	147455,7	146447,4	146150,8	-0,4
Север	7422,6	7336,5	7232,5	7149,5	7090,6	7104	-4,3
Республика Карелия	607,6	585,8	559,4	541,5	527,9	523,9	-13,8
Республика Коми	838,1	811,5	779,1	750,4	726,5	720,6	-14,0
Архангельская область	1103,8	1068,3	1030	995,7	964,3	955,9	-13,4
Ненецкий АО	42,3	42,3	41,6	41,6	41,4	42,2	-0,2
Мурманская область	743,9	724,1	704	678,6	658,7	656,4	-11,8
Ханты-Мансийский АО – Югра	1616,2	1652,4	1672,3	1698,2	1730,4	1759,4	8,9
Ямало-Ненецкий АО	524,2	512,5	510,6	508,8	512,4	516,0	-1,6
Республика Саха (Якутия)	959	966,3	971,4	987,2	997,6	1001,7	4,5
Камчатский край	309,8	303,5	299,9	293,3	288,7	288,9	-6,7
Магаданская область	147,4	144,6	139,9	137,3	134,3	133,4	-9,5
Сахалинская область	480,6	476,6	476,2	469,3	460,6	457,6	-4,8
Чукотский АО	49,7	48,6	48,1	47,6	47,8	48	-3,4

Источник. Здесь и в табл. 2, 3: Рассчитано автором на основе данных Росстата. – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с. По данным выборочных обследований рабочей силы (тыс. чел.).

Source. Here and in Tables 2, 3: calculated by the author according to the Rosstat data. – Regions of Russia. Socioeconomic Indicators. 2024: Stat. Collection / Rosstat. – Moscow, 2024. – 1081 p. Based on sample surveys of the labor force (thousand people).

торий во многом определяется не только природно-климатическими факторами, но и экономической конъюнктурой, эффективностью государственной политики в отношении Севера и Арктики, а также качеством социальной инфраструктуры [9]. Авторы отмечают, что современные демографические процессы на Севере характеризуются усилением селективности миграционных потоков, когда территории покидают наиболее образованные и экономически активные группы населения. Учеными было установлено, что чем большее количество населения имеет высшее образование, тем качественнее человеческий капитал и выше экономический рост [10]. А от эффективности использования факторов производства

Таблица 2
Коэффициенты миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения
(2014–2023), чел.

Table 2
Migration growth rates per 10 thousand population (2014–2023), people

Субъект РФ	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.
Российская Федерация	27	27	18	13	4	14
Север	-104	-77	-90	-47	-22	25
Республика Карелия	-113	-147	-165	-79	15	8
Республика Коми	-186	-162	-195	-125	-53	-33
Архангельская область	-149	-138	-145	-108	-29	-21
Ненецкий АО	-71	-147	-156	-46	-20	184
Мурманская область	-139	-134	-136	-149	-52	10
Ханты-Мансийский АО – Югра	-9	30	-14	37	50	121
Ямало-Ненецкий АО	-196	-142	-103	-99	-54	-5
Республика Саха (Якутия)	-63	-37	-24	66	-38	8
Камчатский край	-161	-120	-83	-81	-102	24
Магаданская область	-164	-62	-200	-62	-77	-31
Сахалинская область	-106	-31	-40	-70	-87	-29
Чукотский АО	-72	-147	6	-206	-18	31

напрямую зависит конкурентоспособность региона [11, 12].

В формировании демографической ситуации на северных территориях определяющую роль играют миграционные процессы (табл. 2).

Анализ показателей миграционного состояния России и ее северных субъектов за период 2014–2023 гг. показывает динамику миграционных процессов, их изменения и региональную специфику. В России за данный отрезок времени наблюдается снижение коэффициента миграционного прироста с 27 до 14, что может указывать на спад привлекательности территории для трудовых мигрантов.

Север в 2014 г. имел значительный отток рабочей силы (-104), достигший своего максимума, но постепенно к 2023 г. миграционный поток стал положительным (25). Региональные статистические данные указывают на высокую степень вариативности, что отражается в значительном уменьшении минусовых значений, или переход в область положительных коэффициентов. В связи с улучшением экономических условий, государственных мер поддержки, развитием природно-ресурсных отраслей значительный рост показателей демонстрируют Ненецкий, Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа. В 2020–2023 гг. на данных территориях фиксируется тенденция к стабилизации или даже притоку мигрантов в эти регионы.

Развитый в плане добычи нефти, газа, а также освоения арктических ресурсов Ненецкий АО с отрицательных значений (-147 в 2016 г. и -156 в 2018 г.) перешел в положительные (184 в 2023 г.) показатели. Он демонстрирует значительную миграционную стагнацию и приток рабочей силы. Это вызвано внедрением федеральных программ развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) до 2035 г., ростом добывающих компаний, расширением природно-ресурсных проектов, развитием инфраструктуры и логистики, привлечением специалистов и концентрацией на поддержке инвестиционных проектов.

Значительный рост миграционного притока демонстрирует Ханты-Мансийский АО (с +30 в 2016 г. до максимального +121 в 2023 г.), что свидетельствует о возврате интереса к региону. Рост числа мигрантов произошел за счет программ социальной поддержки граждан, ориентированных на повышение качества жизни, развитие здравоохранения, образования и защиту семей с детьми. На данной территории наблюдаются высокий спрос на рабочую силу и высокий уровень оплаты труда. Правительство Ханты-Мансийского автономного округа утвердило комплексную государственную программу «Развитие Арктической зоны в Югре». Главной целью новой программы является улучшение показателей социально-экономического развития муниципалитетов Югры, входящих в Арктическую зону. В ней особое внимание уделяется строительству арендного служебного жилья для привлечения молодежи в Арктику [13].

Улучшение показателей отмечается и в Ямало-Ненецком АО с отрицательных значений (-196 в 2014 г., -142 в 2016 г.) до оптимального (-5 в 2023 г.). С трудовой миграцией здесь связана специализация данного региона – добыча природных ресурсов, транспортировка газа и нефти. Он является центром газовой добычи Арктической зоны РФ. Сегодня здесь добывается около 80 % российского природного газа, что в большой мере влияет на экономический рост. Так же положительный эффект достигнут благодаря высокому уровню инвестиционной привлекательности и внедрению современных цифровых технологий. Приоритетные направления привлечения инвестиций исполнительных органов Ямало-Ненецкого автономного округа устанавливает Инвестиционная декларация [14].

Устойчивый отток населения наблюдался в республиках Карелия, Коми, Архангельской, Мурманской, Сахалинской и Магаданской областях, в Камчатском крае. Однако к 2023 г. начали выявляться индикаторы улучшения ситуации, тем не менее региональные различия в миграционных потоках очевидны. Они вызваны экономическими, социальными и экологическими факторами.

В 2014–2018 гг. большинство северных регионов, таких как Сахалинская и Магаданская области, а также Камчатский край имели большую миграционную убыль, которая наблюдалась и в 2020–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19. На данную ситуацию в равной степени повлияли климатические условия, недостаток рабочих мест, удаленность от центральных регионов страны и ограниченность сетей коммуникаций. Трудовые ресурсы и занятость на обозначенных территориях в основном предопределены добычей полезных ископаемых и рыболовством, поэтому с 2020–2023 гг. здесь начинают внедряться новые проекты по освоению природных ресурсов, что отразилось как на миграционных предпочтениях, так и на региональном экономическом росте.

В целом наблюдается тенденция к стабилизации и улучшению социально-экономической ситуации в северных регионах, что подтверждается постепенным экономическим ростом показателей во многих субъектах

и снижением негативных значений [15]. Сложившуюся структуру экономики на Севере нужно относить к конкурентным преимуществам территории [16].

Анализ возрастной структуры миграционных потоков выявляет критическую ситуацию с оттоком молодого трудоспособного населения. В возрастной группе 18–35 лет миграционная убыль составляет 65–70 % от общего оттока населения, что создает серьезные проблемы для воспроизводства трудовых ресурсов и формирования человеческого капитала на северных территориях. Как отмечают эксперты, этот процесс приводит к прогрессирующему «старению» населения северных территорий и снижению их долгосрочного экономического потенциала [6, с. 78].

Основные факторы, определяющие миграционные настроения населения северных регионов, включают: неблагоприятные природно-климатические условия проживания, ограниченные возможности рынка труда, профессиональной самореализации, недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, высокую стоимость жизни при относительно невысоких реальных доходах населения, транспортную изолированность, удаленный доступ к качественным услугам социальной защиты, здравоохранения, образования, связи и телекоммуникационной инфраструктуре.

В исследованиях особенностей рынка труда на российском Севере ученые отмечают, что миграционные процессы тесно связаны с проблемами занятости населения и системой мотивации трудовой деятельности [17, с. 158–160]. Авторы подчеркивают, что традиционная система северных надбавок и районных коэффициентов, призванная компенсировать неблагоприятные условия проживания, в современных условиях не в полной мере выполняет свою стимулирующую функцию. В этих условиях большое значение имеет выявление социальных проблем, связанных с повышением качества жизни населения в контексте народосбережения. Здесь важным фактором может являться поддержка добывающих компаний, в рамках своей деятельности проектов и программ, направленная на улучшение условий и качества жизни коренных народов Севера [18]. Поэтому особенно остро проблема миграционного оттока стоит в моногородах северных регионов, где закрытие или сокращение градообразующих предприятий приводит к массовому оттоку населения. Примерами могут служить города Воркута, Инта в Республике Коми, Кировск в Мурманской области, где численность населения сократилась за последние годы на 15–25 %. Эти изменения снижают налоговый потенциал регионов и тем самым тормозят их экономический рост.

На демографические процессы влияет и этническая структура. В регионах с высокой долей коренных народов Севера (Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа) наблюдаются более высокие показатели рождаемости, что частично компенсирует миграционную убыль. Однако

и среди коренного населения усиливаются урбанизационные процессы, связанные с переездом из сельской местности в региональные центры и крупные города. Рынок труда северных регионов России характеризуется выраженными структурными дисбалансами, которые проявляются в противоречивом сочетании острого дефицита квалифицированных кадров в ключевых отраслях экономики и высокого уровня безработицы среди отдельных категорий населения. Эти дисбалансы усугубляются продолжающимся миграционным оттоком наиболее квалифицированной и мобильной части трудовых ресурсов, что создает серьезные вызовы для устойчивого социально-экономического развития северных территорий [19].

Анализ ниже представленных данных выявляет существенную дифференциацию процессов, протекающих на рынках труда северных регионов (рисунк) [20].

В целом по Российской Федерации анализ динамики уровня занятости за период с 2014 по 2023 г. демонстрирует стабильное снижение занятости и показывает деградацию показателей с 65,3 % (2014) до 60,8 (2023) – около 4,5 процентных (п. п.), или абсолютных единиц процентного значения. Такая ситуация свидетельствует о риске депопуляции, системных проблемах на рынке труда и дефиците рабочей силы [21].

В 2014 г. уровень вовлечения населения в трудовую деятельность составлял 65,3 %. Данный показатель достиг своего пика в 2016 г. (65,6 %). Затем, в 2020 г. произошло снижение доли занятого населения до 58,3 %, что совпадает с пандемией COVID-19, которая негативно повлияла на рынок труда. В дальнейшем наблюдается постепенное восстановление экономической активности населения, и к 2023 г. показатель вырос до 60,8 %, оставаясь чуть ниже уровня 2014–2016 гг.

Региональная статистика транслирует вариативность этих тенденций. В арктических автономных округах, таких как Ямало-Ненецкий и Чукотский, в которых уровни занятости остаются существенно выше средних по стране, сохраняются довольно стабильные показатели. Чукот-

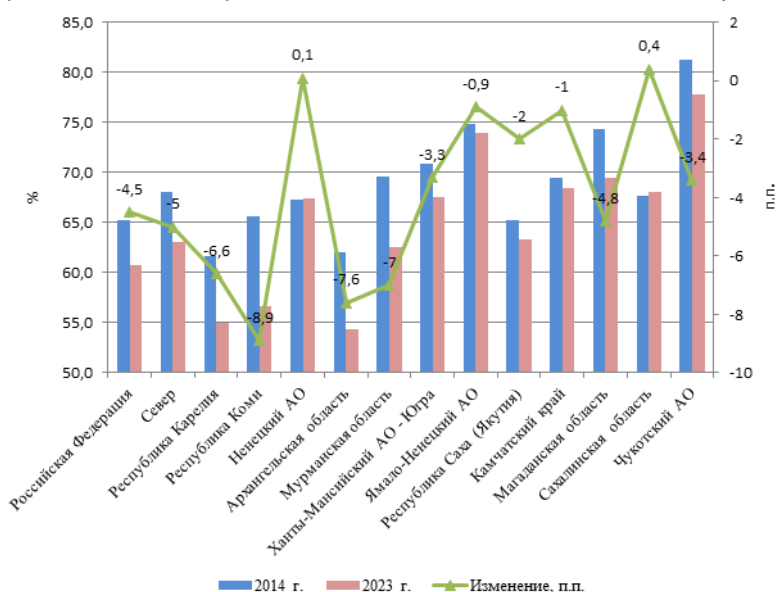

Рисунок. Рынок труда в 2014–2023 годы: уровень занятости в экономике.
Figure. Labor market in 2014–2023: employment level in the economy.

ский АО всегда имел самый высокий коэффициент (81,2 % в 2014 г.), также показывал рост к 2023 г. (77,8 %), несмотря на небольшое снижение после 2020 г. Ямало-Ненецкий АО демонстрирует стабильную динамику с высоким уровнем (от 74,9 до 74,0 %), что говорит об устойчивом состоянии занятости населения. Данная ситуация указывает на стабильную экономическую модель этих северных регионов с высоким уровнем использования рабочей силы, обеспечивающей значительный рост ВРП [1].

Заметное снижение трудовых ресурсов наблюдалось в Республике Коми (-8,9 %), Архангельской (-7,6 %) и Мурманской (-7,0 %) областях, в Республике Карелия (-6,6 %), что свидетельствует о серьезных трудностях регионов в сохранении трудовой деятельности населения. Значительное снижение рабочей активности отмечается в 2018–2020 гг., после чего показатели стабилизируются или демонстрируют незначительный рост.

Следует отметить, что степень занятости населения за исследуемый период снизилась как по Российской Федерации, так и в целом по северу и его регионам, кроме Ненецкого АО (+0,15 %) и Сахалинской области (+0,6 %). Однако практически все территории показывают уровень трудоустройства выше среднероссийского показателя, кроме республик Карелия, Коми и Архангельской области.

В целом, наблюдаемые изменения свидетельствуют о региональных особенностях экономической структуры, кризисе традиционных отраслей промышленности, степени влияния внешнеэкономических факторов и внутренних ресурсов, а также о возможных структурных трансформациях рынка труда в условиях модернизации экономики.

Серьезное влияние на экономический рост оказывает безработица. Рост безработицы может стать причиной падения производства, а это, в свою очередь, влечет за собой отставание фактического уровня ВВП от потенциального и замедляет его динамику (табл. 3).

В целом по России уровень безработицы с 2014 по 2023 г. снизился, сократившись с 5,2 до 3,2 %. Особенно спад был замечен в 2022–2023 гг. Наивысшая численность

безработных пришлось на пандемический год (2020), достигнув показателя 5,8 %.

Динамика безработицы во всех без исключения северных регионах характеризуется устойчивой тенденцией к снижению. Причем наиболее заметные результаты достигнуты в нефтегазовых округах Западной Сибири, таких как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (65 % добычи), где уровень безработицы в 2023 г. составлял всего от 1,5 до 1,8 %. Это свидетельствует о практически полной занятости трудоспособного населения в данных регионах, подтверждает высокую эффективность местных рынков труда и показывает значительный и устойчивый экономический рост. В данных регионах коэффициенты нетрудоустройства ниже среднероссийских (3,2 %).

В регионах Европейского Севера снижение безработицы происходило более медленными темпами, но тем не менее достигло значений близких к естественному уровню. В разрезе 2014 и 2023 гг. наиболее заметный результат демонстрировали Мурманская область (-3,3 %) и Карелия (-2,8 %), далее идут Архангельская область (-1,8 %) и Республика Коми (-1,3 %). Интересно, что это снижение происходило на фоне сокращения общей численности рабочей силы, что может указывать на определенную селективность миграционных процессов – территории покидают, прежде всего те, кто не может найти подходящую работу. Стоит отметить, что во время пандемии COVID-19 (2020) во всех выше обозначенных регионах уровень безработицы достигал своих наивысших значений от 8,7 до 7,6 %.

Различные результаты по уровню безработицы демонстрировали дальневосточные регионы. Здесь выделяются Камчатский край, где данный показатель снизился на 4,0 %, и Сахалинская область (-3,7 %). Это произошло благодаря развитию рыболовной, туристической, энергетической отраслей, инвестициям в природные ресурсы и инфраструктуру. Создание территорий опережающего развития, предоставление различных льгот и преференций способствовали активизации и росту экономической деятельности и, как следствие, улучшению ситуации на рынке труда [22]. Все это может свидетельствовать о завершении острой фазы структурной перестройки экономики северных регионов и переходе к более сбалансированному развитию.

Несмотря на реализацию крупных инвестиционных проектов в горнодобывающей отрасли (золото, уголь) и создание постоянного спроса на рабочую силу Чукотский край снизил индекс безработных на 1,6 п. п. (с 3,3–1,7 %). Это связано с естественной убылью населения, старением рабочей силы, снижением количества трудоспособных граждан, низкой плотностью населения и высокой потребностью в кадрах. В Магаданской области уровень безработицы постоянно возрастал и достиг 5,7 % в 2020 г., но к концу 2023 г. снизился до 3,4 % (за период – 0,3 %), что может быть связано с улучшением условий в горнодобывающей отрасли.

Таблица 3
Рынок труда в 2014–2023 годы. Уровень общей безработицы

Table 3
Labor market in 2014–2023. General unemployment rate

Показатель / Субъект РФ	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.
Российская Федерация	5,2	5,5	4,8	5,8	4,0	3,2
Север	6,0	6,3	5,3	5,8	4,3	3,7
Республика Карелия	8,1	9,2	8,7	8,7	5,8	5,3
Республика Коми	6,0	8,7	7,3	7,7	6,6	4,7
Архангельская область	7,3	7,0	6,4	7,2	5,4	5,5
Ненецкий АО	5,4	8,6	8,2	8,9	7,4	6,4
Мурманская область	6,7	7,6	6,7	7,6	4,7	3,4
Ханты-Мансийский АО - Югра	4,6	4,6	2,5	3,0	2,0	1,8
Ямало-Ненецкий АО	3,2	2,7	2,1	2,4	1,6	1,5
Республика Саха (Якутия)	7,4	7,2	7,0	7,5	6,5	5,7
Камчатский край	6,1	4,1	4,8	3,7	2,9	2,1
Магаданская область	3,1	4,4	5,1	5,7	4,1	3,4
Сахалинская область	6,5	6,3	5,3	5,5	4,2	2,8
Чукотский АО	3,3	3,7	3,2	4,4	1,9	1,7

В целом региональные различия сохраняются, но тенденция к снижению значения прослеживается на всех рассматриваемых территориях.

Выводы

Проведенное исследование позволило получить комплексную картину состояния человеческого капитала и рынка труда в северных регионах России, выявив при этом существенные территориальные различия в траекториях социально-экономического развития.

Анализ демографических процессов за период 2014–2023 гг. показал устойчивую тенденцию к депопуляции большинства северных территорий, причем наиболее выраженное сокращение численности населения зафиксировано в регионах Европейского Севера и Дальнего Востока.

Особенно показательными являются данные по миграционным потокам. В регионах Северо-Западного федерального округа миграционная убыль населения в отдельные годы достигала критических значений, что неизбежно отражается на качественных характеристиках трудовых ресурсов и как результат на региональном экономическом росте. Республика Коми потеряла за анализируемый период рекордный численный состав рабочей силы (–8,9 %), аналогичная ситуация складывается в Архангельской области (–7,6 %) и Карелии (–6,6 %). О глубине структурных проблем, с которыми сталкиваются данные территории, говорят статистические показатели.

На Дальнем Востоке в таких регионах, как Магаданская область и Камчатский край также отмечается значительный отток населения –9,5 и –6,7 %.

Существенно иная ситуация наблюдается в нефтегазовых регионах Западной Сибири. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа демонстрируют не только стабильность, но и рост основных показателей рынка труда. Благодаря высокой капиталоемкости добывающих отраслей и значительным инвестициям в человеческий капитал здесь уровень безработицы снизился до рекордно низких значений – 1,5 и соответственно 1,8 %, что указывает на эффективное функционирование региональных трудовых экосистем.

Особое место занимает Республика Саха. Территория демонстрирует устойчивый рост населения (+4,5 %) и положительное сальдо миграции (+8 %). Алмазодобывающая промышленность, крупные инфраструктурные проекты и относительно диверсифицированная экономика создают основу для развития, которой лишены многие северные регионы.

Следует отметить, что трансформация рынков труда происходит неравномерно и часто противоречиво. В депрессивных регионах снижение безработицы сопровождается сокращением численности рабочей силы – классический случай «статистического улучшения» за счет оттока населения. Магаданская область, например, при общем сокращении рабочей силы (–4,8 %) сумела снизить официальную безработицу (+3,4 %), однако это достижение носит поверхностное внешнее проявление.

Нефтегазовые территории достигли практически полной занятости. Уровень безработицы в Ханты-Мансийском АО снизился на 2,8 %, в Ямало-Ненецком – на 1,7 %. Проблема заключается в том, что эти регионы одновременно испытывают нехватку кадров и продолжают привлекать мигрантов, создавая напряжение на рынке жилой недвижимости и социальной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность населения.

Миграционные потоки формируют новую географию Севера. Традиционные центры освоения территорий теряют население, а ресурсные анклавы концентрируют все больше жителей. Этот процесс ведет к появлению «пустых» территорий и сверхплотных промышленных агломераций, что противоречит стратегическим интересам освоения Арктики.

Что касается проверки исходной гипотезы о влиянии человеческого капитала на экономический рост северных регионов, то полученные данные в целом ее подтверждают, хотя и с определенными оговорками. Регионы с более стабильной демографической ситуацией на самом деле показывают эффективные экономические результаты. Однако простая корреляция здесь не работает, так как велико значительное влияние отраслевой специализации и природно-ресурсного потенциала территорий.

Качественные характеристики человеческого капитала претерпевают негативные изменения в большинстве северных регионов. Селективная миграция выносит наиболее образованную и мобильную часть населения, оставляя территории с ограниченным кадровым потенциалом. Этот процесс создает порочный круг: слабый человеческий капитал не может обеспечить инновационное развитие, а отсутствие перспектив усиливает миграционный отток [23]. Исследователи отмечают низкий уровень стартового человеческого капитала, дефицит кадрового потенциала, недостаток навыков и компетенций для замещения вакантных должностей, высокого уровня занятых в неформальном секторе [24, 25]. Изменить ситуацию могут только получение образования, повышение квалификации и переподготовка кадрового персонала.

Территориальная концентрация экономической активности достигла критических значений. Несколько промышленных узлов концентрируют основную долю ВРП северных регионов, в то время как обширные периферийные территории фактически исключены из экономического оборота [26]. Подобная пространственная структура делает северные регионы крайне уязвимыми ко внешним шокам.

Дифференцированный подход к развитию человеческого капитала должен стать основой новой северной политики. Ресурсные регионы нуждаются в создании центров компетенций мирового уровня, способных обеспечить технологическое лидерство в добывающих отраслях. Депрессивные территории требуют концентрации усилий на сохранении базовых социальных институтов и создании точек роста на основе имеющихся конкурентных преимуществ.

Система северных льгот и компенсаций нуждается в кардинальном пересмотре. Действующие механизмы не

учитывают реальных различий в стоимости жизни между регионами и не стимулируют долгосрочное закрепление населения. Необходимо перейти от универсальных коэффициентов к гибким системам мотивации, учитывающим специфику конкретных территорий и видов деятельности.

Новые возможности для преодоления пространственных барьеров развития Севера открывает цифровизация. Remote-экономика может частично компенсировать недостатки географического положения и создать новые рабочие места в сфере услуг. Однако реализация этого потенциала требует масштабных инвестиций в телекоммуникационную инфраструктуру и переподготовку кадров [27].

Стратегическое планирование развития северных территорий должно исходить из признания их принципиальной неоднородности [28]. Попытки применения единых подходов ко всем северным регионам бесперспективны. Каждая территория требует индивидуальной стратегии, учитывающей ее ресурсный потенциал, геополитическое значение и социально-экономические особенности.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется углубленный анализ качественных характеристик человеческого капитала северных регионов, таких как образование и здравоохранение. Отдельного внимания заслуживает исследование адаптационных стратегий населения северных территорий в условиях структурных экономических трансформаций, реализации национальных проектов и федеральных программ. Особый интерес представляет исследование опыта зарубежных стран в развитии арктических регионов и возможности его адаптации к российским условиям [29, 30, 31, с. 406–419].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Тихомирова, В. В. Теоретико-методологические аспекты исследования регионального экономического роста (на примере северных регионов) / В. В. Тихомирова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2025. – № 5, ч. 2. – С. 76–82.
2. Тихомирова, В. В. Торговля в структуре реального сектора экономики / В. В. Тихомирова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2023. – № 3. – С. 347–359. – DOI: 10.15593/2224-9354/2023.3.24.
3. Тимушев, Е. Н. Дифференциация социально-экономического развития регионов России: причины, подходы к анализу и оценка / Е. Н. Тимушев // Общественные финансы. – 2024. – № 46. – С. 17–34. – URL: <https://elibrary.ru/WPPISH>.
4. Анчишкин, А. И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста / А. И. Анчишкин // Сост. А. В. Суворов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 300 с.
5. Морошкина, М. В. Оценка экономического и человеческого потенциала и неравенство территорий АЗРФ на примере районов Карельской Арктики / М. В. Морошкина // Российская Арктика. – 2022. – № 2 (17). – С. 8–20.
6. Фаузер, В. В. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на севере России в координатах переписи населения 2021 года / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – Т. 26, № 1. – С. 64–79.
7. Пришляк Е.А., Радько С.Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации. Управленческие науки // Management Sciences. – 2018. – 8 (2). – С. 94–105. – URL: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105>.
8. Корчак, Е. А. Человеческий капитал и дисбаланс на рынках труда Арктической зоны России / Е. А. Корчак // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – № 9 (366). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-disbalans-na-rynках-trudaarkticheskoy-zony-rossii> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Фаузер, В. В. Многомерная демография: новый подход к оценке человеческих ресурсов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 395–411.
10. Агарков, С. А. Человеческий капитал в теории и практике экономического роста (на примере Мурманской области) / С. А. Агарков // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2024. – Т. 27, № 2. – С. 7–19.
11. Гаджиев, Ю. А. Динамика конкурентоспособности северных регионов за 2008–2020 годы: разработка методики оценки / Ю. А. Гаджиев, Е. Н. Тимушев, М. М. Стыров // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 1016–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-4.
12. Конкурентоспособность северных регионов России: состояние и пути повышения / отв. ред.: д.э.н., проф. А. Г. Шеломенцев. – Воронеж: Изд-во «Строки», 2023. – 220 с. – URL: <https://elibrary.ru/IGVCIX>.
13. Развитие Арктической зоны в Югре. – URL: <https://arctic-russia.ru/news/vlasti-khmao-vlozhat-milliardy-v-razvitie-arkticheskoy-zony/> (дата обращения: 09.02.2026).
14. Инвестиционная декларация Ямало-Ненецкого автономного округа. – URL: <https://invest.yanao.ru/investment-declaration/> (дата обращения: 05.02.2026).
15. Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы / отв. ред.: д.э.н., проф. А. Г. Шеломенцев. – Воронеж: Типография «Строки», 2025. – 210 с.
16. Гаджиев, Ю. А. Динамика и структура валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России / Ю. А. Гаджиев // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2025. – Т. 28, № 1 (87). – С. 62–72. – DOI: 10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.
17. Терентьева, М. А. Особенности рынка труда на российском Севере: занятость, заработная плата и роль

- северных надбавок / М. А. Терентьева // Арктика и Север. – 2021. – № 45. – С. 150–165.
18. Потравная, Е. В. Народосбережение Арктики: участие добывающих компаний в повышении качества жизни коренных народов Севера / Е. В. Потравная // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 8 (174). – С. 35–41.
 19. Безработица в России в 2025 году. – URL: <https://svspb.net/rossija/bezrabotica.php> (дата обращения: 02.07.2025).
 20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с.
 21. Аганбегян А.Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4(163). – С. 17–20. – URL: <https://elibrary.ru/YKXILM> (дата обращения: 20.04.2026).
 22. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 № 193-ФЗ 2025 (последняя редакция). – URL: https://www.centrmag.ru/catalog/product/o-gosudarstvennoj-podderzhke-predprinimatelskoj-deyatelnosti/?srsltid=AfmBOoqFTZFYN0g5lr-XFcl8ed6Zu8Mwa8u0v0dwYuyTUuQknVZoi_Q_ (дата обращения: 08.09.2025).
 23. Липкин, А. В. О роли человеческого капитала при переходе на инновационный путь развития регионов Севера и Арктики / А. В. Липкин // Индустриальная экономика. – 2019. – № 4. – С. 12.
 24. Корчагин, Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? / Ю. А. Корчагин. – Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – С. 252.
 25. Российская экономика в 2024 году. Тенденции и перспективы (Вып. 46) / под науч. ред.: д. э. н. А. Л. Кудрина, д. э. н. В. А. Мау, д. э. н. А. Д. Радыгина, д. э. н. С. Г. Синельникова-Мурылева. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2025. – 504 с.: ил. – ISBN 978-5-93 255-684-9.
 26. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2023 годах. – URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2023.pdf (дата обращения: 02.07.2025).
 27. Подведены итоги Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» – 2025. – URL: <https://forumarctica.ru/news/podvedeny-itogi-mezhdunarodnogo-arkticheskogo-foruma-arktika-territoriya-dialoga-2025/> (дата обращения 02.07.2025).
 28. Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. – URL: <https://arctic2035.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).
 29. Черешнев, И. А. Территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности: опыт Китая / И. А. Черешнев // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – Т. 6, № 91. – С. 162–168.
 30. Yeung, Y. M. China's special economic zones / Y. M. Yeung, G. Kee, J. Lee // Eurasian Geography and Economics. – 2009. – № 50 (2). – P. 222–240.
 31. Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В. Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.

References

1. Tikhomirova, V. V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya regionalnogo ekonomicheskogo rosta (na primere severnyh regionov) [Theoretical and methodological aspects of regional economic growth research (using northern regions as an example)] / V. V. Tikhomirova // Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice]. Series "Economics and Law". – 2025. – № 5, Part 2. – P. 76–82.
2. Tikhomirova, V. V. Torgovlya v strukture realnogo sektora ekonomiki [Trade in the structure of the real sector of the economy] / V. V. Tikhomirova // Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences. – 2023. – № 3. – P. 347–359. – DOI: 10.15593/2224-9354/2023.3.24.
3. Timushev, E. N. Differenciatsiya socialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii: prichiny, podhody k analizu i ocenka [Differentiation of socio-economic development of Russian regions: causes, approaches to analysis and assessment] / E. N. Timushev // Obshchestvennye finansy [Public Finance]. – 2024. – № 46. – P. 17–34. – URL: <https://elibrary.ru/WPPISH>.
4. Anchishkin, A. I. Prognozirovaniye tempov i faktorov ekonomicheskogo rosta [Forecasting the rate and factors of economic growth] / Comp. A. V. Suvorov. – Moscow: MAKSPress, 2003. – 300 p.
5. Moroshkina, M. V. Ocenka ekonomicheskogo i chelovecheskogo potentsiala i neravenstvo territorij AZRF na primere rajonov Karelskoj Arktiki [Assessment of economic and human potential and inequality of the Arctic zone of the Russian Federation territories: The case of the Karelian Arctic regions] // Rossiiskaya Arktika [Russian Arctic]. – 2022. – № 2 (17). – P. 8–20.
6. Fauzer, V. V. Demograficheskaya dinamika i transformatsiya sistemy rasseleniya na severe Rossii v koordinatah perepisi naseleniya 2021 goda [Demographic dynamics and transformation of the settlement system in the North of Russia in the coordinates of the 2021 population census] / V. V. Fauzer, A.V. Smirnov, G. N. Fauzer // Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]. – 2023. – Vol. 26, № 1. – P. 64–79.
7. Prishlyak, E. A. Study of factors influencing the formation of human capital in the Russian Federation / E. A. Prishlyak, S. G. Radko // Upravlencheskie nauki [Management Sciences]. – 2018. – № 8 (2). – P. 94–105. – URL: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105>.
8. Korchak, E. A. Chelovecheskiy kapital i disbalans na rynkah truda Arkticheskoy zony Rossii [Human capital and imbalances in the labor markets of the Russian Arctic zone] / E. A. Korchak // Nacionalnye interesy: priority i bezopasnost [National Interests: Priorities and Security]. – 2018. – № 9 (366). – URL: <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/chelovecheskiy-kapital-i-disbalans-na-ryn-kah-trudaarkticheskoy-zony-rossii (date of access: 22.03.2025).
9. Fauzer, V. V. Multidimensional demography: A new approach to assessing human resources of the Russian North / V. V. Fauzer, A. V. Smirnov // *Ekonomika regiona [Economy of the Region]*. – 2024. – Vol. 20, № 2. – P. 395–411.
 10. Agarkov, S. A. Chelovecheskiy kapital v teorii i praktike ekonomicheskogo rosta (na primere Murmanskoy oblasti) [Human capital in the theory and practice of economic growth (using the Murmansk Region as an example)] / S. A. Agarkov // *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Formation of Economic Order]*. – 2024. – Vol. 27, № 2. – P. 7–19.
 11. Gadzhiev, Yu. A. Dinamika konkurentosposobnosti severnykh regionov za 2008–2020 gody: razrabotka metodiki ocenki [Dynamics of competitiveness of the northern regions in 2008–2020: Development of an assessment methodology] / Yu. A. Gadzhiev, E. N. Timushev, M. M. Styrov // *Ekonomika regiona [Economy of the Region]*. – 2022. – Vol. 18, № 4. – P. 1016–1030. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-4.
 12. Konkurentosposobnost severnykh regionov Rossii: sostoyanie i puti povysheniya [Competitiveness of the northern regions of Russia: The state and ways of improvement] / resp. ed.: Doctor of Economics, Professor A. G. Shelomentsev. – Voronezh: Stroki, 2023. – 220 p. – URL: <https://elibrary.ru/IGVCIX>
 13. Razvitie Arkticheskoy zony v Yugre [Development of the Arctic zone in Yugra]. – URL: <https://arctic-russia.ru/news/vlasti-khmao-vlozhat-milliardy-v-razvitie-arkticheskoy-zony/> (date of access: 09.02.2026).
 14. Investicionnaya deklaraciya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Investment declaration of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. – URL: <https://invest.yanao.ru/investment-declaration/> (date of access: 05.02.2026).
 15. Realnyj sektor ekonomiki severnykh regionov Rossii: problemy i perspektivy [Real sector of the economy of Russian northern regions: Problems and prospects] / resp. ed.: Doctor of Economics, Professor A. G. Shelomentsev. – Voronezh: Stroki, 2025. – 210 p.
 16. Gadzhiev, Yu. A. Dinamika i struktura valovoj dobavlennoj stoimosti real'nogo sektora ekonomiki severnykh regionov Rossii [Dynamics and structure of gross value added in the real sector of the economy of the northern regions of Russia] / Yu. A. Gadzhiev // *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]*. – 2025. – Vol. 28, № 1 (87). – P. 62–72. – DOI: 10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.
 17. Terentyeva, M. A. Osobennosti rynka truda na rossijskom Severe: zanyatost, zarabotnaya plata i rol severnykh nadbavok [Features of the labor market in the Russian North: Employment, wages, and the role of northern allowances] / M. A. Terentyeva // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. – 2021. – № 45. – P. 150–165.
 18. Potravnaya, E. V. Saving the people of the Arctic: Participation of extractive companies in improving the life quality of indigenous peoples in the North / E. V. Potravnaya // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. – 2022. – № 8 (174). – P. 35–41.
 19. Bezrabotica v Rossii v 2025 godu [Unemployment in Russia in 2025]. – URL: <https://svspb.net/rossija/bezrabotica.php> (date of access: 02.07.2025).
 20. Regiony Rossii. Socialno-ekonomicheskie pokazately. 2024 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024]: Stat. Collection / Rosstat. – Moscow, 2024. – 1081 p.
 21. Aganbegyan, A. G. Investicii v osnovnoj kapital i vlozheniya v chelovecheskiy kapital – dva vzaimosvyazannykh istochnika socialno-ekonomicheskogo rosta [Investments in fixed capital and investments in human capital are two interconnected sources of socio-economic growth] / A. G. Aganbegyan // *Problemy prognozirivaniya [Problems of Forecasting]*. – 2017. – № 4 (163). – P. 17–20. – URL: <https://elibrary.ru/YKXILM>. (date of access: 20.04.2026).
 22. Federal Law “O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatelskoj deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii [On State Support of Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation]” dated July 13, 2020 № 193-FZ 2025 (latest revision). – URL: https://www.centrmag.ru/catalog/product/o-gosudarstvennoj-podderzhke-predprinimatelskoj-deyatelnosti/srsltid=AfmBOqFTZ-FYN0g5lr-XFcl8ed6Zu8Mwa8uOv0dwYuyTUuQknVZoi_Q_ (date of access: 08.09.2025).
 23. Lipkin, A. V. O roli chelovecheskogo kapitala pri perekhode na innovacionnyj put razvitiya regionov Severa i Arktiki [On the role of human capital in the transition to an innovative development path for the regions of the North and the Arctic] / A. V. Lipkin // *Industrialnaya ekonomika [Industrial Economy]*. – 2019. – № 4. – P. 12.
 24. Korchagin, Yu. A. Russian human capital: A factor of development or degradation? / Yu. A. Korchagin. – Voronezh: CIRE, 2005. – P. 252.
 25. Rossijskaya ekonomika v 2024 godu. Tendencii i perspektivy [Russian economy in 2024. Trends and prospects] (Issue 46) / scientific editorship: Dr. of Econ. A. L. Kudrin, Dr. of Econ. V. A. Mau, Dr. of Econ. A. D. Radygin, Dr. of Econ. S. G. Sinelnikov-Murylev. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2025. – 504 p.: ill. – ISBN 978-5-93255-684-9.
 26. Ekonomicheskie i socialnye pokazateli rajonov Krajnego Severa i priiravennykh k nim mestnostej v 2000–2023 godah [Economic and social indicators of the Far North regions and equivalent localities in 2000–2023]. – URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2023.pdf (date of access: 02.07.2025).
 27. Podvedeny itogi Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma «Arktika – territoriya dialoga» – 2025 [The results of the International Arctic Forum “The Arctic: Territory of Dialogue” – 2025 have been summed up]. – URL: <https://forumarctica.ru/news/podvedeny-itogi-mezhdunarodnogo-arkticheskogo-foruma-«arktika-territoriya-dialoga»-2025/> (date of access: 02.07.2025).

28. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossii i obespecheniya nacionalnoj bezopasnosti do 2035 goda [Strategy for the development of the Arctic zone of Russia and ensuring national security until 2035]. – URL: <https://arctic2035.ru/> (date of access: 15.09.2025).
29. Chereshev, I. A. Territorii so specialnym rezhimom osushchestvleniya predprinimatelskoj deyatel'nosti: opyt Kitaya [Territories with a special regime for carrying out entrepreneurial activity: The experience of China] / I. A. Chereshev // Aktualnye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. – 2018. – Vol. 6, № 91. – P. 162–168.
30. Yeung, Y. M. China's special economic zones / Y. M. Yeung, G. Kee, J. Lee // Eurasian Geography and Economics. – 2009. – № 50 (2). – P. 222–240.
31. Sever kak obyekt kompleksnykh regionalnykh issledovaniy [The North as an object of comprehensive regional studies] / ed. V. N. Lazhentsev. – Syktyvkar, 2005. – 512 p.

Благодарность (госзадание)

Работа выполнена в рамках государственного задания «Проблемы роста экономики северных регионов в современной России». Рег. № ИКРБС: 1022041300233-5-5.2.1. Рег. № НИОКТР 125013001114-9.

Acknowledgements (state task)

The work was performed within the frames of the state task "Problemy rosta ekonomiki severnykh regionov v sovremennoy Rossii [Problems of economic growth in the northern regions of modern Russia]". Registration № IKRBS: 1022041300233-5-5.2.1. Registration № NIOKTR 125013001114-9.

Информация об авторе:

Тихомирова Валентина Валентиновна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0001-7076-3618>, SPIN-код: 1453-5112 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tikhomirova@iespn.komisc.ru).

About the author:

Valentina V. Tikhomirova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-7076-3618>, SPIN-code: 1453-5112 (26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: tikhomirova@iespn.komisc.ru).

Для цитирования:

Тихомирова, В. В. Человеческий капитал и рынок труда как источники экономического роста (на примере северных регионов) / В. В. Тихомирова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Экономические науки». – 2026. – № 5 (90). – С. 43–53.

For citation:

Tikhomirova, V. V. Chelovecheskij kapital i rynek truda kak istochniki ekonomicheskogo rosta (na primere severnykh regionov) [Human capital and labor market as sources of economic growth (on the example of northern regions)] / V. V. Tikhomirova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "Economic Sciences". – 2026. – № 5 (90). – P. 43–53.

Дата поступления рукописи: 16.02.2026

Прошла рецензирование: 25.02.2026

Принято решение о публикации: 09.06.2026

Received: 16.02.2026

Reviewed: 25.02.2026

Accepted: 09.06.2026